

Ирина СИЛУЯНОВА

**ИСТИНА И ИДОЛЫ.
ЛОЖЬ СОВРЕМЕННОГО АТЕИЗМА**

По благословению епископа Тираспольского и Дубоссарского Юстиниана

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003.

Содержание

Предисловие
"Призраки" лорда Бэкона
Все ли религии равны?
Противоположны ли наука и религия?
Все ли относительно?
От чего действительно свободен человек?
Прогресс или преобразование?
Заключение
Примечания

Предисловие

Дети! храните себя от идолов.

1 Ин. 5, 21

С начала 90-х годов наше общество переживает возрождение религиозной веры и жизни. Ранее запрещенная религиозная литература распространяется огромными тиражами. В великие праздники храмы переполнены. Каждый воскресный день даже в отдаленные святые места России с благоговением направляются тысячи и тысячи паломников. Сами за себя говорят и данные социологического опроса, проведенного недавно среди студентов-медиков (1). На вопрос "Ваши религиозные убеждения?" 70,7% студентов ответили: "Православие". На вопрос "Какое место занимает религия в вашей жизни?" последовали следующие ответы: главное - 4,7%, значительное - 45,5%, незначительное - 35,5%, никакое - 7,4%. Очевидно, что мыслящая элита российского общества, в том числе молодежная, пробуждается к религиозной жизни. Вместе с интеллектуалами Запада она недоумевает, "как можно **не верить** в Бога и утверждать, что Его существование **не доказывается**, и в то же время **верить** в не-существование Бога и утверждать, что оно-то **доказуемо**"? (2)

Конечно, состояние нашей молодежи - это пока именно пробуждение. В живом интересе молодых людей к религии пока еще больше вопросов, чем стойких убеждений. И здесь, как никогда, им нужна поддержка людей старшего поколения, особенно преподавателей, политиков, законодателей, писателей, научной и художественной интеллигенции. Но всегда ли отвечают они сами духовным запросам поколения будущего России? Сможет ли новое духовное течение возрождающейся России преодолеть старое, но влиятельное и все еще воинствующее атеистическое мировоззрение? Ведь теперь уже всем очевиден механизм "побед" и "поражений" идей, насаждаемых сначала некоей малой, власть имущей частью общества. Освободилась ли эта малая часть от груза идеологического наследия, полученного ею в эпоху долгого господства безверия? И так

ли просто освободиться от него? Еще в XIX, благополучном для истории России, веке Ф.И. Тютчев описал феномен неверия так:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры - но о ней не просит...

Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
"Впусти меня! - Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.." (3)

Почти вековое политическое господство неверия в России, повсеместно внедрявшегося государственной властью в содержание художественной, научной, лично-семейной, профессиональной, общественной жизни, привело людей в состояние неведения, забвения, окамененного нечувствия, в состояние некоей духовной комы. Сможет ли наше общество выйти из этого коматозного состояния?

Многие полагают, что причина распространения неверия в России в XX веке была в основном связана с характером господствующей власти и ее идеологией. Но вот рухнула в одночасье безбожная власть, а безверие продолжает владеть умами многих людей.

К сожалению, атеизм и связанные с ним представления о науке, морали, образе жизни до сих пор продолжают оставаться идеологией действующих в России образовательных программ, средств массовой информации и других важных структур, призванных воспитывать человека и формировать культуру нашего общества. Данная ситуация особенно поражает в силу того, что Россия принципиально отличается от любой благополучной в историческом отношении европейской страны. В XX веке на горьком опыте не одного поколения люди поняли, что все попытки сформировать мораль и общество без религии, **на основе атеизма** обречены на провал. Тем не менее, вновь и вновь с поистине фанатическим упорством реформируются программы и системы образования, модернизируются общественные отношения, но при этом все реформы до сих пор не нацелены на главное, на то, что действительно может способствовать духовно-нравственному возрождению российского общества: на признание религии духовным началом, пронизывающим все стороны жизни и деятельности человека.

Из года в год, из учебника в учебник, из лекции в лекцию, от очередного "шедевра" искусства к другому, из одного "научного" проекта в другой кочуют одни и те же идолы атеизма, заражая ложью сознание людей. Не означает ли это, что существуют более глубокие основания человеческого неверия, чем насилие политической власти? Неужели безбожие нашло в России новую благоприятную среду обитания? Мы должны очень осторожно относиться к заполонившим страну и пытающимся освободить всех и вся новейшим влиятельным идеологиям: либеральным, демократическим, правым, левым и т. д. Не просматривается ли сквозь маски новых "героев дня" пожирающий взгляд всеядного глобализма, который уже готов, если не принять неотложных мер, сыграть увертюру к великой трагедии всего человечества?

"Призраки" лорда Бэкона

Известному философу Фрэнсису Бэкону (1561-1626), лорд-канцлеру английского государства, принадлежит афоризм: "Поистине, поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии" (4). Размышляя о стремлении науки к истинному знанию, Бэкон предостерегал о существовании четырех преград, или "призраков", "идолов" на пути познания.

Напомним, что термин "идол" в философской традиции означает буквально: относительный и искаженный образ или принцип, которому ошибочно придается абсолютное значение. В христианской традиции идолами называли предметы, изображающие богов языческих религий, которым поклонялись и приносили жертвы, в том числе человеческие. Фрэнсис Бэкон использует этот термин в значении искажающего призрака, который преграждает человеку путь к Истине подобно тому, как катаракта затрудняет видение света.

Итак, он различает четыре вида идолов (призраков): идолы рода, идолы пещеры, идолы рынка и идолы дворца (или театра). "**Идолы рода** находят основание в самой природе человека" (5), в ее несовершенстве, поврежденности. Например, человеческий ум Бэкон сравнивает с неровным зеркалом, "которое отражает вещи в искривленном и обезображенном виде" (6).

По мнению блаженного Августина, разум Адама до грехопадения по природе своей находился на такой высоте понимания мира, какая была потом недоступна никому из его потомков, даже самым умным. Нынешний человеческий ум находится в таком же отношении к разуму Адама до грехопадения, в каком находится быстрота черепахи к быстроте птицы (7). Грехопадение поразило человеческую природу, поэтому достижение знания сегодня сопряжено с мучительными трудами и величайшими усилиями, а знание остается обреченным на фрагментарность, относительность и неполноту.

"**Идолы пещеры** суть заблуждения отдельного человека" (8). Прирожденные свойства каждого, особенности воспитания и окружающей среды - это та личная "пещера", которая поглощает свет Истины.

Общая пораженность человеческой природы после грехопадения проявляется по-разному в каждом человеке. Диапазон индивидуальных особенностей широк: от отсутствия способности понимать смысл мироздания до неспособности понимать значение простейших, употребляемых бесчисленное количество раз слов: "спасибо" - спаси Бог, "судьба" - суд Божий и т. п. В сумрачной пещере своего сознания каждый блуждает по-своему. **Идолы площади**, или **рынка**, возникают из-за неправильного использования слов, что порождает их беспорядочное употребление и ведет "людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям" (9).

"Необходимо определить понятия" - с этих слов начинается любой серьезный разговор. Не сделав этого, мы обрекаем себя на то, чтобы быть непонятыми другими и истолковывать их слова неверно. Кому из преподавателей не знаком "феномен интерпретации"? В аудитории каждый из присутствующих не только понимает вас по-своему, но и додумывает даже то, о чем вы сами не имели никакого представления. Прорваться к человеку сквозь искаженные смыслы слов, быть понятым и понимать - непростая задача. Неслучайно выражение "Счастье - это когда тебя понимают" стало крылатым. Существуют, наконец, **идолы театра**, или **дворца**. Здесь речь идет об искажающем воздействии на человека ложных теорий и философских учений, которые мешают его движению к Истине. Где истоки и в чем причина влияния ложных философских учений? Одна из таких причин - слепое преклонение перед ранее установленными (во дворцах) и признанными авторитетами. Эти авторитеты покорили умы людей, как актеры в театре покоряют сердца зрителей. Бэкон сравнивает эти философские учения с театральными комедиями о вымышленных мирах. Он призывает сорвать лживые театральные маски с философских "учителей", чей авторитет был создан во дворцах и базируется только на "дворцовой" неприкосновенности.

Смысл, который мы придаем термину "идолы", весьма близок к значению слова "призраки" лорда Бэкона. **Идолы атеизма - это препятствия, лежащие на пути познания и образования. Идолы атеизма - это ловушки, в которые способен в силу своей ограниченности и немощи попасть - и попадает, к сожалению, - разум человека.**

Каковы же они, современные идолы атеизма? При ответе на этот вопрос мы все должны убедиться в том, "что мы вышли в... тыл противника, верно обозрели его основные позиции, научились говорить на его языке и думать его мыслями и, главное - поняли его слабые места и его основные, фатальные для него ошибки" (10).

Все ли религии равны?

И изрек Бог [к Моисею] все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Исх. 20, 1-3

Одно из изощреннейших лукавств атеизма - утверждение равенства всех религий и религиозных объединений. Действительно, для атеизма все религии - это одно заблуждение, которое вызвано к жизни или страхом перед силами природных стихий, или социальным угнетением и эксплуатацией. Причем утверждается, что страху этому подвержены все и всегда: и неразумные дети и мудрые старики, и до потопа и в XXI веке. Равно и социальному угнетению подвержены все: свободные и рабы, вожди диких племен, императоры, цари, короли и президенты самых свободных и развитых стран. Тем не менее нельзя не заметить, что атеизм атеизму рознь. В одном случае атеизм происходит от простого невежества, для которого между религиями нет различий по причине незнания подлинной их сущности и глубины. И неудивительно, "ибо в темноте все цвета сливаются" (11). Атеизм "от невежества" необходимо отличать от утонченного расчета современного российского либерального демократа-богоборца, осознанно пренебрегающего первую заповедь Бога: *Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.*

Именно с его стороны часто можно услышать такой аргумент против преподавания православных дисциплин в учебных заведениях, против проведения конференций, посвященных тем или иным датам в истории Церкви и Российского государства: "Мы не можем вам этого позволить, так как у нас все религии равны. Если мы пойдем навстречу вам, то будут обижены другие. Если мы разрешим провести какое-либо мероприятие, например посвященное 2000-летию христианства, будут обижены мусульмане, буддисты, иудеи и так далее". В этом аргументе очевидна очередная подмена. Представители всех вероисповеданий в России равны перед Уголовным Кодексом и законами Российской Федерации и одинаково обязаны нести ответственность за уголовные преступления. Но равны ли все вероисповедания перед историей Отечества? Все ли религии внесли равный вклад в обустройство государства Российского и все ли в равной мере создавали самобытную культуру России? Были ли, как принято выражаться сегодня, равными культуuroобразующими основаниями государства?

Спросим вместе с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном: "Разве это **католические прелаты** набатом поднимали новгородское ополчение на брань с псами-рыцарями и подавали последнее духовное напутствие дружинникам святого благоверного князя Александра Невского на залитом кровью льду Чудского озера? Разве это **протестантские пастыри** вдохновляли святую ревность донского героя, великого князя Дмитрия на поле Куликовом, где страшная сеча с татарами решала: быть или не быть Святой Руси?"

Разве это **мусульманские муллы** удержали нашу Отчизну от распада в лютую годину Смуты, подвигнув Козьму Минина и Дмитрия Пожарского на их жертвенный подвиг, а ратников русского ополчения на борьбу до победы? Разве это **иудейские**

равнины с крестом в руках, под свист японской "шимозы" поднимали в атаку преданные, смертельно уставшие роты под Мукденом и Порт-Артуром, спасая русскую честь от позора?

Разве это **кришнаиты** и **буддисты** на протяжении тысячи лет ежедневно, сосредоточенно, неспешно и благоговейно возносили ко Господу молитвы о "богохранимой" земле Русской, "властех и воинстве ея", отдельным молитвенным чинопоследованием поминая "вождей и воинов, за Веру и Отечество живот свой на поле брани положивших"? Многие ли из вас смогут вспомнить сегодня хоть один случай, когда иноверцы и инославные - будь то католики или иудеи - в трудный для России час делом доказали ей свою верность, до конца разделив ее неласковую судьбу? Зато противоположных примеров в русской истории - сколько угодно!" (12).

Нельзя не вспомнить и Великую Отечественную войну. 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Сталин провозглашает здравицу русскому народу "потому, что он заслужил в этой войне общее признание... среди всех народов нашей страны... потому, что у него ясный ум, стойкий характер и терпение" (13). Здесь уместно вновь вернуться к словам митрополита Иоанна: "Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал нестигаемый державный дух русского патриотизма? - Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты Отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным - без лести, мужественным - без жестокости, щедрым - без расточительства, стойким - без фанатизма, сильным - без гордости, милосердным - без тщеславия, ревностным - без гнева и злобы? - Церковь Православная!" (14)

"Плюральная конфессиональность" как необходимое и достаточное условие "деконфессионализации общественной жизни".

Откуда же берется ложь о равенстве всех религий в России? Как ни странно - не из истории моноконфессиональной Православной Святой Руси, а из "плюральной конфессиональности" Европы, из многолетней истории кровавого противоборства католицизма и протестантизма, из американского опыта выживания множества протестантских сект. Германия с XVI века исторически существует как "биконфессиональная" страна. И на ее примере поучительно будет проследить, чем закончилось равенство вероисповеданий (католицизма и протестантизма), провозглашенное и гарантируемое Веймарской конституцией. Именно конституционное равенство и одновременно конфессиональная противоположность двух церквей стали теми благоприятными условиями, которые вызвали к жизни политику национал-социализма по "деконфессионализации общественной жизни", следствием чего стало "устранение политических институтов, связанных с церковью, церковных печатных органов, школ и других образовательных учреждений... В 1941 году "секретарь фюрера" Мартин Борман требовал даже закрытия конфессиональных детских садов. Как гласило обоснование, "государство и движение не могут терпеть, чтобы в конфессиональных детских учреждениях воспитание детей велось согласно церковным установлениям и в духе конфессиональной расколотости"" (15). Признание и провозглашение **равенства** религий и церквей в России - это содействие установлению тоталитарной деспотии: в лучшем случае атеизма, в худшем - прямого богоборчества.

Кто станет оспаривать значение для Индии индуизма, для Марокко - ислама, для Израиля - иудаизма, для Франции - католицизма? Каждое государство можно сравнить с домом, выстроенным по плану, который есть результат целенаправленного созидательного труда его устроителя-хозяина. Если есть дом, то он таков, каков его хозяин. Построив дом, он может пригласить гостей - разных: ближних и дальних, новых и постоянных. У гостей этих тоже где-то есть дом, их собственный дом, где говорят на их

языке, молятся их богам. Россия - это наш общий дом, устроитель которого - Церковь Православная. Если дом оставить без хозяина, его неминуемо ждет *мерзость запустения*. Сколько раз наше Отечество терпело от неожиданных гостей *неправедно нанесенное оскорбление святому месту и разорение поруганного города и нарушение праотческих учреждений?* (16)

"Равенство" - слово отсутствует в тексте русской Библии (17).

Очень часто спорящие по вопросу о равенстве религий и веротерпимости ссылаются на слова Спасителя: *Ибо кто не против вас, тот за вас* (18). Следовательно, кто не против Православной Церкви, тот может рассматриваться как равный социальный партнер в деле устройства не только душ российских подданных, но и самого государства Российского.

Для прояснения этого вопроса не надо мудрствовать лукаво. Смысл этих слов открывается через связь двух, на первый и поверхностный взгляд противоречивых, суждений Спасителя: *Кто не со Мною, тот против Меня* (19) и *Ибо кто не против вас, тот за вас*. В толковании блаженного Феофилакта последнее суждение касается людей, которых другие люди, творящие чудеса, приводят к Богу. *"Кто не со Мною, тот против Меня*. Но сии слова,- пишет он,- сказаны о бесах, которые стараются отвлечь сущих от Бога и рассеивают Божие достояние" (20). В "Бесах" Ф.М. Достоевского один из персонажей лихорадочно утверждает кредо деспотизма: "Все рабы и в рабстве равны... главное - равенство. <...> Всё к одному знаменателю, полное равенство" (21).

Не лукавство ли это со стороны современного либерализма - провозглашать равенство между религиями, которые по самой сути своей не могут быть равны? Продуктом подобного лукавства является термин либеральной социальной философии "иудеохристианская цивилизация". Анализируя эту мифологему, протоиерей Максим Козлов пишет: "Иудаизм - это религия живого и действительного непризнания в Иисусе из Назарета того обетованного Мессии, Воскресением Которого и опытом веры в Которого вот уже две тысячи лет живет христианская Церковь... Ведь первые гонения на христиан были инициированы иудеями, о чем сказано и в апостольских Деяниях и житиях святых. Позднее ересь жидовствующих была сознательным отвержением всего того пути, который к шестнадцатому столетию прошли Русская Церковь, русский народ и русское государство... Нет и не может быть иудеохристианской цивилизации, как нет и христианско-атеистической" (22).

Уместно ли в поисках благого государственного устройства говорить о равенстве религий в России? Нет. Если мы в этом смысле будем говорить о равенстве, то это значит, что мы уничижаем историю России, оскверняем память наших предков, своими собственными руками разоряем и уничтожаем свою страну. Возможно ли принятие какого-либо государственного решения в присутствии и с учетом мнения Патриарха святого града Иерусалима и всей обетованной земли, например, в Израиле? Возможны ли подобные рассуждения о равенстве вероисповеданий, например, в каком-либо мусульманском государстве? Вряд ли. В России - пожалуйста. Почему? Ответ ясен: или от вопиющего невежества, или с целью разорить и уничтожить страну.

Противоположны ли наука и религия?

Потом не довольно было для них заблуждаться в познании о Боге, но они, живя в великой борьбе невежества, такое великое зло называют миром (23).

Прем. 14, 22

Борьба между наукой и религией сегодня как никогда обострилась, считают современные ученые-атеисты, в особенности негодуя против положений социальной концепции РПЦ, в частности относительно новейших биомедицинских технологий: клонирования, фетальной терапии, трансплантации органов и тканей без согласия человека и т. п. Ученые-атеисты возмущаются заявлениями Церковно-общественного совета по биомедицинской этике Московского Патриархата, в которых обращается внимание на безнравственный характер многих технологических новаций. "Снова религия встает на пути прогрессивного развития науки", - утверждают эти ученые. И в научной среде опять пускают в ход старый набор атеистических, ничуть не отличающихся от марксистско-ленинских представлений о взаимоотношениях науки и религии.

Как известно, марксисты превращали реальное и объективное **различие** между наукой и религией в **противостояние**. Противостояние же предполагает активное столкновение, **борьбу**, которая должна привести в конечном счете к уничтожению религии. Энгельс видел в борьбе проявление универсального закона природы, общества и мышления, известного в диалектическом материализме как закон единства и борьбы противоположностей.

Действительно, кто сможет отрицать существование противоположных состояний, качеств, свойств природных явлений, таких, например, как ассимиляция и диссимиляция веществ, магнитные полюса и т. п.? Но их существование - не "борьба", а проявление устойчивости конструкции мироустройства. Универсализация в атеистическом сознании борьбы как неотъемлемого свойства человеческого существования и абсолютизация ее до уровня "диалектического закона" бытия есть разновидность известного в психиатрии состояния "переноса" субъективных переживаний вовне, в том числе - патологическая интерпретация внутренней духовной борьбы греха и совести как универсального свойства и экстраполяция ее на все окружающее.

Жесткий идеологический принцип противопоставления веры и знания до боли знаком не одному поколению российских ученых. В материализме XX века вопрос о соотношении религии и науки - это проблема нахождения эффективных путей к познанию мира и преодоления преград к его преобразованию. На этом пути религия рассматривается в виде тормоза, сдерживающего движение.

К примеру, именно с таким пониманием религии было связано решение Совнаркома СССР о поддержке чудовищных опытов по получению "новогибридного человека" путем скрещивания людей с антропоморфными обезьянами. В отчете 1928 года, представленном в Совнарком председателю комиссии по содействию работам Академии наук СССР тов. Н. Горбунову, руководитель "исследований" по случке людей с обезьянами проф. И. Иванов писал: "Серьезным тормозом для постановки этой экспериментальной работы являлись также **предрассудки религиозного и морального характера**. В дореволюционной России было совершенно невозможно не только что-либо сделать, но и писать в этом направлении... Только в самые последние годы наметилась возможность поставить наши опыты без особо значительных затрат и **без опасений встретить запрет со стороны церкви**" (24).

Однозначное и жесткое решение проблемы соотношения веры и разума, религии и науки, как несовместимых и взаимоисключающих явлений, достигалось использованием всех средств, вплоть до жесточайшей политической цензуры и физического уничтожения инакомыслящих. Философская, богословская и научная литература, в которой была представлена традиционная христианская позиция, была изъята из библиотек и запрещена к изданию. Характерно, например, что написанная В.Ф. Войно-Ясенецким (25) в начале XX века работа "Наука и религия" увидела свет и стала доступной читателю лишь в начале XXI века.

Одно из типичных и самых распространенных средств "диалектического" решения проблемы - это иногда прямое, а иногда косвенное передергивание фактов. Например, широко распространено такое мнение о религии: она будто бы утверждает, что Земля -

плоский диск. При этом нигде не упоминается, что в Библии присутствует описание нашей планеты как *земного шара* (26).

Упрекали Православие и в том, что оно запрещало вскрытие трупов. При этом умалчивалось, что уже во времена правления Ивана Грозного в Аптекарском приказе 1581 года - важнейшем документе государственного значения - предписывалось исследование трупов с целью определения причин смерти в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи (27).

Буквально "отскакивает от зубов" атеиста-медика также утверждение, что Церковь преследовала врачей за анатомические вскрытия. И в числе "пострадавших" называют конкретное имя: основоположник анатомии, профессор Падуанского университета Андреас Везалий (1514-1564). При этом умалчивается, что он был приговорен к смерти не за то, что анатомировал, а за то, что, не сумев определить наступление смерти, начал анатомировать тело некоего дворянина, который во время вскрытия вдруг пришел в сознание. При этом испанскому гранду были нанесены тяжелые увечья, что вместе с некомпетентностью (неспособностью определить смерть человека) и вменялось Везалию в вину. Кстати, в ходе судебного разбирательства судья-инквизитор заменил грозившую анатому смертную казнь на... паломничество во Святую Землю (28).

К сожалению, подобные подмены фактов до сих пор в ходу. В значительной степени это объясняет трудность понимания научно-технической интеллигенцией того, что проблема соотношения веры и разума **не сводится к раскрытию их противостояния, или "борьбы"**. Противостояние и "борьба" представляют собой лишь **одну** из интерпретаций этой проблемы, сформировавшуюся в западной материалистической философии. Распространение она стала получать сравнительно недавно, преимущественно лишь с XVIII века, и своего апогея достигла уже к середине века XX. Каковы же истоки противопоставления веры и разума?

Приобретай мудрость, приобретай разум: не забывай этого и не уклоняйся от слов уст моих.

Притч. 4, 5

Нельзя не обратить внимания на то, что по своей чисто логической форме модель противостояния веры и разума схожа с решением вопроса о взаимоотношении веры и разума в одном из направлений католицизма. Подобное единство атеистической и католической позиций неизбежно ставит под сомнение истинность обеих. Крайняя тенденция к разделению веры и разума, вплоть до полного размежевания со знанием, действительно получила последовательное развитие в католической традиции. Например, в уставе монашеского ордена францисканцев, основанного в XIII веке Франциском Ассизским, рекомендуется: "Пусть не учатся грамоте не знающие ее" (29). Католический святой Петр Дамиани (1007-1072) полагал, что условием богопознания и спасения является презрение к миру. В трактате "О святой простоте" он рассуждает о том, что, будь философия необходима для спасения человечества, Бог послал бы для проповеди философов, а не рыбаков. "Во всех духовных и жизненно важных вопросах, перед которыми человек стоит в неведении, молитвенный плач, посредник между Богом и человеком, является единственно истинным и знающим наставником",- пишет он (30). Действительно, в покаяние, прозвучавшее из уст папы Иоанна-Павла II в 2000 году, к перечню грехов католицизма - войн и несправедливых судов над людьми - необходимо было бы добавить и ряд теологических заблуждений о разделении веры и знания.

Мы воспроизвели схему подхода к проблеме взаимоотношения христианства и науки, свойственного западному религиозному сознанию. Именно из этой позиции, логически связанной с теорией двойственной истины, исходит тенденция противопоставления веры и знания в ее атеистическо-материалистической интерпретации.

Однако многие упрекают в этом грехе не только католицизм, но и Православие. Так ли это?

"Русское Православие не мыслит мира внехристианским или "светским",- пишет И.А. Ильин.- Напротив, христианское просвещение и просветление мира является его прямым заданием. Ему есть дело до **всего**, чем живут или не живут люди на земле, и притом потому, что оно **имеет в этом мире великую и священную миссию**.

Царство Христово *не от мира сего* (Ин. 18, 36), но о нем возведено миру и человечеству; и поэтому его **идея** высказана для мира сего как призвание и обетование. Неверно думать, что Царство Божие подобно земным царствам. Также неверно думать, будто оно существует для **мира сего**. Но "мир сей" существует как величайшее поле (см.: Мф. 13, 38) для посева и возрастания Царства Божия. Евангельское благовестие состоит не в том, что земля и небо противоположны и несоединимы, ибо земля обречена греху и люди суть дети греха, но в том, что **небо уже сошло на землю** в лице Богочеловека, что *приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17; ср.: Мф. 12, 28; Мк. 1, 15; Лк. 4, 43; 10, 9, 11; 11, 20; 21, 31 и др.), что **возможность и реальность негреховного мироприятия и миропреображения даны и удостоверены**. Евангелие несет миру не проклятие, а **обетование**, а человеку - не умирание, а **спасение и радость**. Оно учит не бегству из мира, а **христианизации его**" (31).

Нельзя не обратить внимания на еще одну немаловажную особенность христианского миропонимания именно в связи с обсуждаемой проблемой. Речь идет об утверждении особого - внутреннего - измерения человеческого бытия, которое блаженный Августин называл "внутренним человеком". С этим особым измерением логически связано и существование принципиально иной тенденции рассмотрения проблемы соотношения веры и разума. Осознать в себе внутреннего и внешнего человека - значит понять, что есть два различных способа жизни. Цель человека внутреннего - спасение души и стяжание Святого Духа. Цель человека внешнего - попечение *в поте лица своего* о повседневных нуждах. Познание внешнего мира - эффективное средство для достижения практической пользы и земных благ. Стяжание Духа Святого - совсем иная, не внешняя задача, выполнение которой может и не совпадать с требованиями внешнего жизненного мира, и порой противоречить им. Эта тенденция была выражена в христианской философии очень давно: "...Что? Афины - Иерусалиму? что? Академия - Церкви?.. *Господа должно искать в простоте сердца* (Прем. 1, 1)" (32).

Реальность внутреннего и внешнего человека, возможность и свобода отказа от внешнего попечения, стремление к концентрации сознания на помыслах о Боге питают монашеско-мистическую традицию религиозного затвора от мира. Но этот затвор - всегда индивидуальный аскетический подвиг монаха, уходящего от суеты мира, лежащего во зле. Его нельзя возводить в ранг модели разделения религиозной и познавательной установок сознания. Нельзя возводить опыт монашеской аскезы в догматический принцип взаимоисключения и несовместимости религиозного и познавательного измерений человеческого существования. Почему?

Прежде всего потому, что в рамках этого принципа человек представлен однобоко: по преимуществу как существо, использующее свои силы для служения лишь своему естеству. Затем происходит противопоставление внутреннего и внешнего человека, веры и знания, мира духовного существования и мира внешнего, доступного разумному восприятию и практическому возделыванию. Внешний мир в силу этого противопоставления оказывается духовно пустым, очень быстро превращается в **объект** исследования и впоследствии опустошает и человека, превращая его в **субъект** познания. Лишним в этой опустошенной модели оказывается и требование нравственного совершенствования познающего, который отныне обречен на то, чтобы руководствоваться чисто практическими целями, субъективными установками, потребительско-познавательными задачами. В результате наука сводит свое предназначение к добыванию исключительно объективного знания о мире независимо от того, ведет ли оно к спасению

познающего человека или препятствует этому, способствует ли благоустроению души и жизни человека или нет. "Поэтому христианское мироотвержение есть или условно временная, душеочистительная установка монаха, "отвергающего", чтобы "приобрести вновь", закрывающего глаза, чтобы прозреть, ищущего уединения и сосредоточения для того, чтобы по-новому воспринять Бога, человека и мир; тогда христианин "отвергает" не Божий мир как объективный предмет, а **свои страсти и страстные содержания своего опыта** и, очистившись и прозрев, убеждается, что *нет ничего в себе самом нечистого, ибо только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто* (Рим. 14, 14-20)... Или же мироотвержение есть слепота, помрачение духа, посягание на хулу и тяга к ереси; это есть путь от духовного скопчества к телесному" (33).

По всеведению Своему Господь положил различие.
Сир. 33, 11

В то же время нельзя отрицать реальное различие между наукой и религией. Наука и религия - это действительно разные образования. Такие же разные, как наука и искусство, мораль и право и т. п. Наука и религия, или разум и вера, отличны друг от друга. Но отличие, разность и различие - это не всегда противоположность. Противоположность возникает там, где одну и ту же задачу пытаются решить прямо противоположными, взаимоисключающими способами. При этом сторонники одного из способов отрицают правильность другого. А наука и религия различны потому, что ставят перед собой и решают не одну, а разные задачи.

Задача веры - богопознание, задача науки - попечение *в поте лица своего* о повседневных нуждах, о хлебе насущном. Познание внешнего мира - эффективное средство для достижения практической пользы и благоустройства земной жизни. Можно ли отрицать значение изобретения колеса или телефонной связи? Христианство "рассматривает науку как необходимый инструмент этой жизни" (34). Каждое научное исследование оценивается по тем практическим результатам устройства земной жизни человека, к которым оно может привести. А религия направляет каждого человека к нравственному совершенствованию, устройению себя самого, чтобы привести его в Царство Божие. И здесь нельзя не обратить внимания на одну принципиальную особенность христианского понимания взаимоотношения веры и науки.

Для христианской традиции характерно понимание познания внешнего мира как возможности духовного совершенствования внутреннего человека. "Вера дает ученому:

- творческое изумление (Аристотель),
- живое чувство тайны,
- истинную ответственность,
- подлинную осторожность в суждениях,
- предметную скромность,
- волю к подлинной истине,
- силу живого созерцания" (35).

В христианстве не осуждаются и не упраздняются занятия наукой: *каждый должен оставаться в том звании, в каком он призван* (36). Но при этом во всем надо оставаться христианином. Через это сохраняется мир христианских ценностей - в душе, в науке, в искусстве, в государстве. В этом случае речь может уже идти не только о различии. Вера и наука способны существовать в непротиворечивом согласии, "ибо христианин призван не бежать от мира и человека, отвергая и проклиная их, но **вносить свет Христова учения в земную жизнь и творчески раскрывать дары Святого Духа в ее ткани**" (37).

Основанием возможности миропреображения в познании является бытие Божие. Об этом свидетельствуют и самые общие определения веры и науки: вера - это способность человека к познанию Бога, наука - это способность человека к познанию мира, созданного

Богом. *Ибо в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания. Сам Он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен, круги годов и положение звезд, природу животных и свойства зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней* (38).

Ибо Господь дает мудрость; из уст Его - знание и разум.
Притч. 2, 6

Для православного сознания наука - это не путь, уводящий от Бога, а одна из форм существования человека в мире *в поте лица своего*. И на этом пути также надо следовать заповедям Божиим, как в любом со-творчестве, со-созидании, у-строении своей жизни с помощью Божией и по Промыслу Божию. "Православие было искони мироприемлюще" (39).

К православной традиции относится понимание природы и сущности человеческого познания как естественной работы в мире. *Выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера* (40). Православие утверждает веру в возможность знания о благоустроении мира и о способности человека, в меру его нравственной чистоты, овладеть миром через **духовную причинность**, то есть по причине того, что *Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом* (41), *всё соделал Он прекрасным в свое время и вложил мир в сердце человека* (42), а *размышления сердца человека - знание* (43). Познание - естественная работа человека в **мире**: в мире природы и с миром в сердце. Это позволяет говорить о нравственном основании знания и науки. Неудивительно, что **понятие "закон", как принцип устройства научного знания, изначально является понятием нравственного сознания, принципом устройства человеческих взаимоотношений по закону Божию, устроющему все бытие.**

С этим связано и требование **нравственного совершенствования познающего**. Если ученый освобождается от стремления к нравственному самосовершенствованию, к святости, то он обречен на то, чтобы руководствоваться чисто практическими целями, субъективными установками, потребительски-познавательными задачами.

Согрешающий против меня наносит вред душе своей: все ненавидящие меня любят смерть.

Притч. 8, 36

В рамках православного понимания науки вскрывается глубокая взаимозависимость научного знания, морали и религии. Выявление этой взаимозависимости многое объясняет в развитии не только самого научного знания, но и общества, включая вопросы о перспективах его существования.

Например, новые биомедицинские технологии достигают сегодня такого уровня воздействия на человека, что без этической регламентации их применения человек и общество обречены на уничтожение. Человеческим усердием и знанием о мире достигается многое, но именно принцип взаимоисключения религиозно-нравственного и познавательного сознания приводит к **богоборчеству**, которое, согласно догмату о Боговоплощении, то есть о соединении природы Божественной и человеческой, оборачивается человекоборчеством. Понятие "человекоборчество", звучавшее до последнего времени весьма абстрактно, в конце XX века наполняется конкретным содержанием, например на уровне современной медицинской практики: аборты, эвтаназия, фетальная терапия, насильственное по своему характеру массовое трупное

донорство, допущение "прагматического убийства" для трансплантации органов, клонирование человека...

Православное понимание проблемы взаимоотношения науки и веры, включающее нравственные аспекты, сегодня противостоит весьма распространенным позитивистски-материалистическому и вульгарно-социологическому направлениям, сторонники которых пытаются объяснить все происходящее в науке характером общественных отношений, классовыми, экономическими или социальными интересами. При этом нельзя не обратить внимания на их неспособность объяснить причины парадоксальных последствий научного прогресса, угрожающих обществу и цивилизации. Почему "благие намерения" науки оборачиваются разрушительными последствиями для человека? Почему новые технологии, призванные служить человеку, оборачиваются падением ценности человеческой жизни и унижением человеческого достоинства? Потому, что наука изначально освобождается разного рода позитивистами и социологами от каких-либо нравственных ограничений. **Потому, что неосознаваемая и не желающая быть осознанной и ограниченной греховность может породить лишь умножение греховности.**

"Существуют ли критерии перспективности развития какого-то научного направления или, наоборот, бесперспективности?" - вопрошают современные ученые (44). Этот вопрос сегодня должен быть неразрывно связан с нравственной оценкой того или иного научного направления.

Нам не следует забывать о феномене "утопического активизма индустриально-технической цивилизации". Он существует в двух главных вариантах. Во-первых, в форме знакомого нам социального революционизма. Во-вторых, в форме "технократической воли к переустройству человеком не только Земли, но и всего космоса, переустройству, угрожающему уничтожением всего живого" (45). "Утопический активизм" XX века исходит из понимания человека как самодетерминирующегося существа, активного целесообразного "творца" техники, своей жизни, самого себя и не приемлет понимание человека как существа, зависимого не только от Бога, но и от природы.

Уникальные факты социально-практического "апробирования" утопического активизма представил опыт "социалистического строительства" и преобразований в 1920-1930-е годы в России, которые не могли не коснуться науки. Известный советский ученый А. Богданов утверждал: "Задачи, самая мысль о которых еще недавно представлялась если не **безумием**, то **утопической фантазией**, теперь сознательно выдвигаются, начинают практически и научно разрешаться" (46). Задачи, о которых идет речь, сводились прежде всего и главным образом к разработке методов "борьбы с общим упадком организма - вопросам **омоложения**". По оценке самого А. Богданова, идея омоложения, которую он связывал с процедурой переливания крови молодых людей старым, есть свидетельство "невиданной раньше **смелости в постановке задач**" (47). Утопический активизм Богданова заключался и в его утверждении, будто переливание крови способно решить не только биофизиологические, но и **социально-политические** задачи. Богданов создает концепцию "физиологического коллективизма", в которой переливание крови становится способом не только омоложения, но и буквального "братания" людей, которые благодаря этой процедуре превращаются из отдельных индивидов в опять же буквально "единый социальный организм". Согласно этой концепции, донорство утрачивает морально-нравственный характер и превращается в новую социально-юридическую норму. Человеку же предписывалось соответствовать новым нормам, при этом он становился жертвой "благих" идей и целей, одна из которых, в формулировке Богданова, - преодоление "изношенности" ответственных советских государственных работников.

В 20-е годы в России решению **смелых** задач омоложения, то есть управления биологической цикличностью развития организма, была подчинена и трансплантация фетальных тканей, то есть тканей человеческих зародышей, обладающих особыми биологическими свойствами - колоссальной жизненной энергией. В конце 20-х годов в

Советской России появляется институт по исследованию фетальных тканей, а в московских аптеках начинают продавать вытяжку из эмбрионов человека. Симптоматично то, что в 1990-е годы в России начинает легальную работу Международный институт биологической медицины, в котором "собран самый крупный в мире банк фетальных тканей" (48). Банк фетальных тканей - это биомасса, изготовленная из миллионов младенцев. Главный "фетальщик", Г. Сухих, оценивает это как крупнейшее достижение науки, Церковь же - как великую беду России, "пример вопиющей безнравственности" (49).

При обозрении проблем, связанных с технической активностью человека в области биомедицины, поражает мера умаления человеческого достоинства именно средствами медицины - одного из самых человеколюбивых видов деятельности человека. Однако речь идет не только об умалении достоинства отдельного человека, но и о том, что с помощью медицинских технологий, с помощью новейших технологических средств прогнозирования человеческой жизни и смерти и управления ими в обществе происходит внедрение новых норм и стандартов поведения. Принципиальное изменение традиционных христианских нравственных законов человеческих взаимоотношений и отказ от них с неизбежностью приводят лишь к роковому последствию - распространению беззакония и гибели человека и человечества.

...Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь (50).

Все ли относительно?

Долго ли будете вы уклоняться от соблюдения заповедей Моих и законов Моих?
Исх. 16, 28

Релятивизм утверждает историчность и изменчивость норм и стандартов человеческого поведения. "Все ценности и нормы относительны",- вслед за Ницше и Марксом, классиками морального релятивизма, повторяют многие наши учителя и преподаватели, даже не отдавая себе отчета в том, что? следует из их слов. При этом исходят наши учителя **из несомненной реальности** - относительной, не абсолютной нравственности житейских поступков и поведения человека.

Этимология слова "нрав" восходит к исконно русскому *норов*. Это как нельзя лучше свидетельствует о том, что словами "нрав", "нравственность" описывают эмоционально-психический склад человека, который отнюдь не постоянен и не всегда оценивается положительно. "Норов", или "нрав", человека может быть вспыльчивым, угрюмым, жестоким и т. д. За понятием же "мораль" закрепилось значение отклассифицированных нравов, приемлемых (должных, добрых) и неприемлемых (недолжных, злых) для общества.

Каждый поступок человека является результатом взаимодействия (включая противоборство) его нрава и моральных норм. *Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю (51).* Бесконечно разнообразны проявления этого взаимодействия, они определяются многообразием характеров, ситуаций, эмоциональных состояний и образуют сложную реальность нравственных отношений. Исходное многообразие нравственной реальности и фиксируется в этике понятием относительности, вполне уместным при таком подходе. Однако перенос этого понятия с уровня многообразия проявлений нравственных отношений дальше - на уровень моральных норм и принципов - методологически некорректен. Это типичный для релятивистского подхода лукавый прием. Можно ли говорить, например, об относительности библейского декалога (десяти заповедей Моисея), который существует уже свыше трех тысяч лет? Он принят разными народами,

придерживающимися разных духовных традиций, как основа нравственной жизни. Сама история культурных сообществ неоспоримо свидетельствует о том, что существует фундаментальное единообразие в главнейших моральных универсалиях, а удивительное разнообразие культур и духовных традиций с этической точки зрения отличается поразительным согласием в важнейшем и принципиальном. Современные исследования свидетельствуют, что "индивиды и культуры не очень глубоко различаются в отношении того, что? они считают **конечными этическими ценностями**" (52). К абсолютным этическим ценностям относятся милосердие, забота, сочувствие, спасение жизни и другие: *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (53).

Независимо от того, на каком континенте трудится или в какой стране живет человек, несмотря на временную и пространственную отдаленность людей и их культурно-национальные различия, фундаментальные ценности жизни и милосердия принимаются всеми. Именно эти ценности являются центральными для морали и определяют ее универсальность, абсолютность и всеобщность. Приведем пример, подтверждающий сказанное. В Токио в 1998 году проходил Всемирный конгресс по биоэтике. На нем был поставлен вопрос: возможно ли определить некие общие и разделяемые всеми странами и народами нравственные принципы, которые смогли бы регулировать научную, в частности медицинскую, деятельность? Если исходить из позиций классического релятивизма, то это невозможно по определению. Однако опыт реальной работы доказал обратное: это вполне возможно! Вот принципы, единодушно одобренные конгрессом в Токио: "не навреди", принцип автономии личности, принцип справедливости и принцип "твори благо".

Кому не известно, что на протяжении не только целой жизни, но даже одного дня человек способен совершить самые разные поступки: достойные и недостойные, низкие и великие, справедливые и несправедливые? Вот эта, как правило всегда несовершенная, "материя" человеческого поведения и рассматривается релятивистами как реальность, единственно значимая для человека. Если принять эту релятивность за непреложную истину, то подлинный духовно-нравственный мир - реальность истинных христианских ценностей: любви, добра, мира и милосердия - лишается не только своего абсолютного значения, но и права на существование. Парадоксальность релятивистских убеждений поражает в особенности в том случае, когда их придерживаются учителя. Ведь именно для них наиболее очевидна жизненная истинность моральных ценностей, без которых если и возможно выдрессировать животное, то человека уж никак не воспитать.

Не извращай закона.

Втор. 16, 19

Достаточно всего лишь представить себе последовательное существование нескольких поколений людей, совершенно лишенных веры в моральные абсолюты, чтобы ясно осознать тупиковость и безысходность подобной цивилизации. Если все же допустить возможность продолжения ее существования, то очевидно, что к ней по меньшей мере нельзя будет применить определение "человеческая". Это прекрасно понимал Ницше, когда называл будущее звероподобное состояние "белокурых бестий" сверхчеловеческим существованием. Современный американский релятивист Ричард Рорти в своей работе "Релятивизм: найденное и сделанное" четко и прямо определяет свое кредо: "...прагматисты исходят из Дарвинова описания человеческих существ **как неких животных**, которые стараются как можно лучше приспособиться к окружающей среде, совладать с нею, стараются создать такие инструменты, которые бы позволяли испытывать как можно больше удовольствий и как можно меньше страданий" (54). Как можно больше удовольствий, как можно больше пользы и выгоды, как можно более полное удовлетворение эгоистических желаний - вот почему, по мнению Р. Рорти,

"выгоды современной астрономии и космонавтики перевешивают преимущества христианского фундаментализма" (55).

Именно истины христианского фундаментализма не дают покоя теоретикам релятивизма. Ведь ради сокрушения христианской этики он и был придуман. Если в марксизме речь об относительности нравственных начал жизни велась исподволь, под прикрытием пышных одежд якобы объективного (!), научного (!) исследования истории, учета меняющихся классовых потребностей и интересов, то Ницше и не думает скрывать подлинные задачи релятивизма, который вовсе не направлен на то, чтобы независимо исследовать существующие ценности, осмыслить их и систематизировать, создать их перечень или каталог. Подлинная цель релятивизма - собрать все, что противостоит традиционной идеалистической этике и духу христианской морали, чтобы основательно дискредитировать их, лишить доверия, очернить и разрушить. "Странствуя по многим областям и утонченных и грубых моралей, господствовавших до сих пор или еще нынче господствующих на земле, я постоянно наталкивался на правильное совместное повторение и взаимную связь известных черт - пока наконец мне не предстали два основных типа и одно основное различие между ними. Есть **мораль господ** и **мораль рабов**" (56).

Мораль господ противостоит морали рабов. "'Рим против Иудеи, Иудея против Рима" - до сих пор не было события более великого, чем **эта** борьба, **эта** постановка вопроса, **это** смертельное противоречие",- пишет Ницше (57). Ценность сострадания и мораль сострадания должны быть отброшены. Ницше рассматривает "мораль как болезнь" (58). Вера в мораль, убежден он, пошатнется при выявлении условий и обстоятельств, из которых она произросла. Из каких же? Из превращения слабости в заслугу, бессилия - в доброту, трусливую подлость - в смирение и т.д. и т.п. (59). Мораль - симптом вырождения, и она должна быть отвергнута имморализмом борьбы за власть и господство, имморализмом физиологических (природных) потребностей и интересов.

После Ницше, скончавшегося в 1900 году, накал страстей вокруг теории атеистического релятивизма несколько снижается. На удивление мало новых аргументов появилось в ее базе данных. Причем все новое - это более или менее безголосые перепевки того главного, что сделано немецким имморалистом. Самые шокирующие утверждения постницшеанских европейских философов и американских прагматистов таковы: "моральный выбор - это не выбор между абсолютно правильным и абсолютно ложным, а всегда лишь компромисс между конкурирующими принципами" и вообще "нет ничего абсолютно правильного или абсолютно неправильного" (60). Есть одна лишь относительность правильного или неправильного. Безапелляционность Ницше сменяется и смягчается готовностью на любой компромисс. Границы между добром и злом все больше размываются, нет и не должно быть никакой борьбы между ними в каждом человеке, в каждой душе. Индифферентность, равнодушие, безучастность, безразличие - это молчаливый компромисс со злом. Но возведение молчаливого компромисса со злом в ранг "новой" нормы - вовсе не норма морали, а всего лишь стандарт релятивистского аморализма.

Закон Господа совершен, укрепляет душу; откровение Господа верно, умудряет простых. Повеления Господа праведны, веселят сердце; заповедь Господа светла, просвещает очи.

Пс. 18, 8-9

Попытки современного релятивизма путем все более далеко идущих компромиссов и соглашений нейтрализовать зло устраняют границы, разделяющие зло и добро, неблагоразумие и благоразумие, подлость и доблесть, предательство и подвиг. Возможно ли это? Куда может привести людей осуществление трагической возможности разрыва

благодатной связи души с небесными источниками добродетели и духовных совершенств? *И сказал Он им: "остерегайтесь всякой неправды"* (61). Одна из неправд релятивизма - нивелирование добра и зла, то есть выработка многочисленных операций и приемов достижения онемения сердца. Ибо лишь добившись сердечного бесчувствия, можно обеспечить повседневное торжество выгоды и целесообразности, расчета и пользы, удовольствия и интересов.

Можно ли и как можно противостоять молчаливому соглашательству релятивизма? *Но вы, дети мои,- учит нас Священное Писание,- крепитесь и мужественно стойте в законе* (62). В чем состоит этот закон? *Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя* (63). Нет ничего более абсолютного и непреложного, нежели эта идеальная реальность нравственного закона и заповедей Божиих.

В чем же заключается абсолютность этой идеальной реальности, и почему она не может быть относительной по своей сущности? Потому, что ее уничтожение было бы равнозначно уничтожению мира, общества и человека. Она реальнее, чем что бы то ни было иное, ибо за ней стоит многотысячелетняя история *укрепления душ, умудрения простых людей, веселия сердец, просвещения очей...*

Говоря о законе Божием, нельзя не обратиться к одному удивительному тексту. Это 118-й псалом царя Давида. Блаженный Августин писал, "что... долго не мог взяться за толкование этого псалма, будучи поражаем его глубиной. Он говорил, что и другие псалмы содержат нравственные уроки: но те - как звезды, рассеянные по небу, а этот - как солнце, изливающее в полдень обильный свет" (64). Этот псалом отличается от всех других. Он содержит самое большое количество стихов: 176. И каждый из этих стихов говорит только об одном - о законе Божием, называя его разными наименованиями: "словеса", "пути", "советы", "заповеди", "оправдания", "стеzi", "суды", "уставы", "откровения", "повеления", "определения", "правда", "истина". 176 различных черт, характеристик, оттенков закона раскрывает псалмопевец Давид. 176 стихов поет он "об исполнении воли Господней, о том, как надо жить" (65).

Вот эти 176 абсолютных сокровищ христианского сердца:

1. *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем.*
2. *Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его.*
3. *Они не делают беззакония, ходят путями Его.*
4. *Ты заповедал повеления Твои хранить твердо.*
5. *О, если бы направлялись пути мои к соблюдению уставов Твоих!*
6. *Тогда я не постыдился бы, взирая на все заповеди Твои:*
7. *я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей.*
8. *Буду хранить уставы Твои; не оставляй меня совсем.*
9. *Как юноше содержать в чистоте путь свой? - Хранением себя по слову Твоему.*
10. *Всем сердцем моим ищу Тебя; не дай мне уклониться от заповедей Твоих.*
11. *В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою.*
12. *Благословен Ты, Господи! научи меня уставам Твоим.*
13. *Устами моими возведал я все суды уст Твоих.*
14. *На пути откровений Твоих я радуюсь, как во всяком богатстве.*
15. *О заповедях Твоих размышляю, и взираю на пути Твои.*
16. *Уставами Твоими утешаюсь, не забывая слова Твоего.*
17. *Яви милость рабу Твоему, и буду жить и хранить слово Твое.*
18. *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего.*
19. *Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих.*
20. *Истомилась душа моя желанием судов Твоих во всякое время.*
21. *Ты укротил гордых, проклятых, уклоняющихся от заповедей Твоих.*
22. *Сними с меня поношение и посрамление, ибо я храню откровения Твои.*
23. *Князья сидят и сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих.*

24. Откровения Твои - утешение мое, [и уставы Твои] - советники мои.
25. Душа моя повержена в прах; оживи меня по слову Твоему.
26. Объявил я пути мои, и Ты услышал меня; научи меня уставам Твоим.
27. Дай мне уразуметь путь повелений Твоих, и буду размышлять о чудесах Твоих.
28. Душа моя истает от скорби: укрепи меня по слову Твоему.
29. Удали от меня путь лжи, и закон Твой даруй мне.
30. Я избрал путь истины, поставил пред собою суды Твои.
31. Я прилепился к откровениям Твоим, Господи; не постыди меня.
32. Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое.
33. Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих, и я буду держаться его до конца.
34. Вразуми меня, и буду соблюдать закон Твой и хранить его всем сердцем.
35. Поставь меня на стезю заповедей Твоих, ибо я возжелал ее.
36. Приклони сердце мое к откровениям Твоим, а не к корысти.
37. Отврати очи мои, чтобы не видеть суеты; животвори меня на пути Твоем.
38. Утверди слово Твое рабу Твоему, ради благоговения пред Тобою.
39. Отврати поношение мое, которого я боюсь, ибо суды Твои благи.
40. Вот, я возжелал повелений Твоих; животвори меня правдою Твоею.
41. Да придут ко мне милости Твои, Господи, спасение Твое по слову Твоему,-
42. и я дам ответ поносящему меня, ибо уповаю на слово Твое.
43. Не отнимай совсем от уст моих слова истины, ибо я уповаю на суды Твои
44. и буду хранить закон Твой всегда, во веки и веки;
45. буду ходить свободно, ибо я взыскал повелений Твоих;
46. буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь;
47. буду утешаться заповедями Твоими, которые возлюбил;
48. руки мои буду простирать к заповедям Твоим, которые возлюбил, и размышлять об уставах Твоих.
49. Вспомни слово [Твое] к рабу Твоему, на которое Ты повелел мне уповать:
50. это - утешение в бедствии моем, что слово Твое оживляет меня.
51. Гордые крайне ругались надо мною, но я не уклонился от закона Твоего.
52. Вспоминал суды Твои, Господи, от века, и утешался.
53. Ужас овладевает мною при виде нечестивых, оставляющих закон Твой.
54. Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих.
55. Ночью вспоминал я имя Твое, Господи, и хранил закон Твой.
56. Он стал моим, ибо повеления Твои храню.
57. Удел мой, Господи, сказал я, соблюдать слова Твои.
58. Молился я Тебе всем сердцем: помилуй меня по слову Твоему.
59. Размышлял о путях моих и обращал стопы мои к откровениям Твоим.
60. Спешил и не медлил соблюдать заповеди Твои.
61. Сети нечестивых окружили меня, но я не забывал закона Твоего.
62. В полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои.
63. Общник я всем боящимся Тебя и хранящим повеления Твои.
64. Милости Твоей, Господи, полна земля; научи меня уставам Твоим.
65. Благо сотворил Ты рабу Твоему, Господи, по слову Твоему.
66. Доброму разумению и ведению научи меня, ибо заповедям Твоим я верую.
67. Прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню.
68. Благ и благодетелен Ты, [Господи]; научи меня уставам Твоим.
69. Гордые сплетают на меня ложь; я же всем сердцем буду хранить повеления Твои.
70. Ожирело сердце их, как тук; я же законом Твоим утешаюсь.
71. Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим.
72. Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра.

73. Руки Твои сотворили меня и устроили меня; вразуми меня, и научусь заповедям Твоим.
74. Боящиеся Тебя увидят меня - и возрадуются, что я уповаю на слово Твое.
75. Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости Ты наказал меня.
76. Да будет же милость Твоя утешением моим, по слову Твоему к рабу Твоему.
77. Да придет ко мне милосердие Твое, и я буду жить; ибо закон Твой - утешение мое.
78. Да будут постыжены гордые, ибо безвинно угнетают меня; я размышляю о повелениях Твоих.
79. Да обратятся ко мне боящиеся Тебя и знающие откровения Твои.
80. Да будет сердце мое непорочно в уставах Твоих, чтобы я не посрамился.
81. Истаивает душа моя о спасении Твоем; уповаю на слово Твое.
82. Истаивают очи мои о слове Твоем; я говорю: когда Ты утетишь меня?
83. Я стал, как мех в дыму, но уставов Твоих не забыл.
84. Сколько дней раба Твоего? Когда произведешь суд над гонителями моими?
85. Яму вырыли мне гордые, вопреки закону Твоему.
86. Все заповеди Твои - истина; несправедливо преследуют меня: помоги мне;
87. едва не погубили меня на земле, но я не оставил повелений Твоих.
88. По милости Твоей оживляй меня, и буду хранить откровения уст Твоих.
89. На веки, Господи, слово Твое утверждено на небесах;
90. истина Твоя в род и род. Ты поставил землю, и она стоит.
91. По определениям Твоим все стоит донныне, ибо все служит Тебе.
92. Если бы не закон Твой был утешением моим, погиб бы я в бедствии моем.
93. Вовек не забуду повелений Твоих, ибо ими Ты оживляешь меня.
94. Твой я, спаси меня; ибо я взыскал повелений Твоих.
95. Нечестивые подстерегают меня, чтобы погубить; а я углубляюсь в откровения Твои.
96. Я видел предел всякого совершенства, но Твоя заповедь безмерно обширна.
97. Как люблю я закон Твой! весь день размышляю о нем.
98. Заповедью Твоею Ты соделал меня мудрее врагов моих, ибо она всегда со мною.
99. Я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих.
100. Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню.
101. От всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое;
102. от судов Твоих не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня.
103. Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим.
104. Повелениями Твоими я вразумлен; потому ненавижу всякий путь лжи.
105. Слово Твое - светильник ноге моей и свет стезе моей.
106. Я клялся хранить праведные суды Твои, и исполню.
107. Сильно угнетен я, Господи; оживи меня по слову Твоему.
108. Благоволи же, Господи, принять добровольную жертву уст моих, и судам Твоим научи меня.
109. Душа моя непрестанно в руке моей, но закона Твоего не забываю.
110. Нечестивые поставили для меня сеть, но я не уклонился от повелений Твоих.
111. Откровения Твои я принял, как наследие на веки, ибо они веселие сердца моего.
112. Я приклонил сердце мое к исполнению уставов Твоих навек, до конца.
113. Вымыслы человеческие ненавижу, а закон Твой люблю.
114. Ты покров мой и щит мой; на слово Твое уповаю.
115. Удалитесь от меня, беззаконные, и буду хранить заповеди Бога моего.
116. Укрепи меня по слову Твоему, и буду жить; не посрами меня в надежде моей;
117. поддержи меня, и спасусь; и в уставы Твои буду вникать непрестанно.
118. Всех, отступающих от уставов Твоих, Ты низлагаешь, ибо ухищрения их - ложь.

119. *Как изгарь, отмечаешь Ты всех нечестивых земли; потому я возлюбил откровения Твои.*
120. *Трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь.*
121. *Я совершал суд и правду; не предай меня гонителям моим.*
122. *Заступи раба Твоего ко благу его, чтобы не угнетали меня гордые.*
123. *Истаевают очи мои, ожидая спасения Твоего и слова правды Твоей.*
124. *Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и уставам Твоим научи меня.*
125. *Я раб Твой: вразуми меня, и познаю откровения Твои.*
126. *Время Господу действовать: закон Твой разорили.*
127. *А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого.*
128. *Все повеления Твои - все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу.*
129. *Дивны откровения Твои; потому хранит их душа моя.*
130. *Откровение слов Твоих просвещает, вразумляет простых.*
131. *Открываю уста мои и вздыхаю, ибо заповедей Твоих жажду.*
132. *Призри на меня и помилуй меня, как поступаешь с любящими имя Твое.*
133. *Утверди стопы мои в слове Твоем и не дай овладеть мною никакому беззаконию;*
134. *избавь меня от угнетения человеческого, и буду хранить повеления Твои;*
135. *осияй раба Твоего светом лица Твоего и научи меня уставам Твоим.*
136. *Из глаз моих текут потоки вод оттого, что не хранят закона Твоего.*
137. *Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои.*
138. *Откровения Твои, которые Ты заповедал, - правда и совершенная истина.*
139. *Ревность моя снедает меня, потому что мои враги забыли слова Твои.*
140. *Слово Твое весьма чисто, и раб Твой возлюбил его.*
141. *Мал я и презрен, но повелений Твоих не забываю.*
142. *Правда Твоя - правда вечная, и закон Твой - истина.*
143. *Скорбь и горесть постигли меня; заповеди Твои - утешение мое.*
144. *Правда откровений Твоих вечна: вразуми меня, и буду жить.*
145. *Взываю всем сердцем [моим]: услышь меня, Господи, - и сохраню уставы Твои.*
146. *Призываю Тебя: спаси меня, и буду хранить откровения Твои.*
147. *Предваряю рассвет и взываю; на слово Твое уповаю.*
148. *Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое.*
149. *Услышь голос мой по милости Твоей, Господи; по суду Твоему оживи меня.*
150. *Приблизились замышляющие лукавство; далеки они от закона Твоего.*
151. *Близок Ты, Господи, и все заповеди Твои - истина.*
152. *Издавна узнал я об откровениях Твоих, что Ты утвердил их на веки.*
153. *Воззри на бедствие мое и избавь меня, ибо я не забываю закона Твоего.*
154. *Вступишь в дело мое и защити меня; по слову Твоему оживи меня.*
155. *Далеко от нечестивых спасение, ибо они уставов Твоих не ищут.*
156. *Много щедрот Твоих, Господи; по суду Твоему оживи меня.*
157. *Много у меня гонителей и врагов, но от откровений Твоих я не удаляюсь.*
158. *Вижу отступников, и сокрушаюсь, ибо они не хранят слова Твоего.*
159. *Зри, как я люблю повеления Твои; по милости Твоей, Господи, оживи меня.*
160. *Основание слова Твоего истинно, и вечен всякий суд правды Твоей.*
161. *Князья гонят меня безвинно, но сердце мое боится слова Твоего.*
162. *Радуюсь я слову Твоему, как получивший великую прибыль.*
163. *Ненавижу ложь и гнушаюсь ею; закон же Твой люблю.*
164. *Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей.*
165. *Велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения.*
166. *Уповаю на спасение Твое, Господи, и заповеди Твои исполняю.*
167. *Душа моя хранит откровения Твои, и я люблю их крепко.*
168. *Храню повеления Твои и откровения Твои, ибо все пути мои пред Тобою.*

169. *Да приблизится вопль мой пред лице Твое, Господи; по слову Твоему вразуми меня.*
170. *Да придет моление мое пред лице Твое; по слову Твоему избавь меня.*
171. *Уста мои произнесут хвалу, когда Ты научишь меня уставам Твоим.*
172. *Язык мой возгласит слово Твое, ибо все заповеди Твои праведны.*
173. *Да будет рука Твоя в помощь мне, ибо я повеления Твои избрал.*
174. *Жажду спасения Твоего, Господи, и закон Твой - утешение мое.*
175. *Да живет душа моя и славит Тебя, и суды Твои да помогут мне.*
176. *Я заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл.*

Спаستись - это утолить жажду вечной любви к другим и других к тебе.

Прими из уст Его закон и положи слова Его в сердце твое (66).

Закон жизни - это закон любви. Жизнь не прекратится, пока люди способны любить. *Всякий любящий знает Бога (67).* Абсолютное большинство людей в той или иной степени обладает богатным опытом любви. Но каждому человеку ведом и опыт ее потери. Впрочем, утрата любви так же не может освободить человека от желания вернуть любовь, как и пребывание в болезни не освобождает его от жажды исцеления. Чем сильнее страдания, вызванные болезнью, тем очевиднее ценность дара здоровья. Исчерпать себя в любви - значит иссушить свою жизнь. И лишь богатая живая вода веры в Божественную любовь Христа к человеку в состоянии вернуть нас к жизни. Невозможно не ответить на всепрощающую, бескорыстную любовь к тебе, нельзя не любить Любовь. Спастишь и означает обрести вечную любовь к Богу, которая, как богатый источник, утолит твою жажду любви к другим и других к тебе.

"Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, не на здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона - закона любви. Все остальные законы ничто перед любовью, которая не только руководит сердцами, но и "движет солнце и другие звезды". В ком есть этот закон, тот живет, кто руководится только философией, политикой, разумом, тот умирает" (68).

От чего действительно свободен человек?

Ибо они, получив свободу, презрели Всевышнего, пренебрегли закон Его и оставили пути Его.

3 Езд. 8, 56

Проблема свободы человека традиционно является предметом сложнейших философских и богословских рассуждений. Чего стоит известное уверение немецкого философа Шеллинга о том, что рассмотрение противоположности между необходимостью и свободой "только и вводит в глубочайшее средоточие философии" (69). Далек не всем доступно кьеркегоровское истолкование готовности Авраама принести в жертву своего сына-первенца Исаака как осуществление подлинной свободы. Не так просто и понимание свободы воли в православной публицистике, как это видно из следующего примера: "Свободная воля на путях обретения свободы имеет власть отказаться от своеволия" (70).

В то же время в современных средствах массовой информации мы встречаем чрезвычайно упрощенное понимание проблемы свободы. Так, например, программа "Свобода слова" на НТВ методично втолковывает нам, что свобода - это просто-напросто то состояние, когда можно говорить и делать что угодно, лишь бы только в согласии с чувствами. Истина при этом никого не должна интересовать, ибо, в конце концов, *что есть истина?* (71). Или, еще хуже: есть ли истина вообще?

В подходе этой телепрограммы, как в капле воды, отразилась суть либерально-атеистического понимания свободы. Парадоксальность ситуации в том, что о свободе говорят и от ее имени выступают те, у кого в миропонимании нет и не может быть никакого места для подлинного понимания свободы. Однако сторонники этой точки зрения фанатично верят в некий суррогат свободы. К чему же он сводится? Свобода для них - это какое бы то ни было состояние человека, которое не должно быть ничем, никем и никогда ограничено. При этом нередко по ходу обсуждений раскрывается и тщательно оберегаемая "тайна" либерализма. Она заключается в том, что за этими "ничем", "ником" и "никогда" стоит вполне определенное содержание. Прежде всего - яростное противление христианскому пониманию свободы человека.

Почему же ведется такая атака на христианское понимание свободы? Потому, что без подлинной свободы "не может и не бывает христианского благодатствования" (72). Потому, что "верить, любить, вдохновляться и творить нельзя по принуждению, но **только свободно**" (73). Потому, что свобода - это подлинная сущность человека. Потому, что "Христос **освободил** людей **свободой** или для **свободы**" (74). Именно свобода есть "непосредственное обнаружение сыновне-чистого общения с Отцом чрез Сына, когда под водительством Божественного Духа мы удерживаем органическую неразрывность с Господом Спасителем чрез воспроизведение Его в себе, или чрез возможно полное осуществление "закона Христова"" (75). *Ибо кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии* (76).

Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб.

2 Пет. 2, 18-19

Принципиальное отличие атеистической антропологии от христианской проявляется в ответе на вопрос "Зачем (или для чего) нужна человеку свобода?".

В атеистической антропологии человек понимается лишь как продукт саморазвивающейся материи, как некое своеобразное животное с набором физиологических потребностей, которые определяют, формируют, направляют его поведение. В потребностях этих и состоит сущность, формирующее основание человека. Будучи фундаментальной сущностью, они определяют и его ценности, которые по сути своей должны сводиться к тому, чтобы обслуживать его потребности. Например, деньги - не вспомогательное средство, а абсолютная ценность, ибо они есть прямой способ удовлетворения естественных потребностей. Какие-либо ограничения потребностей человека всегда противоестественны и поэтому вредны. Моральные, а тем более религиозные нормы и правила и, уж конечно, **закон Христов** - это формы ограничения потребностей, прежде всего естественных физиологических. Поэтому свобода, опять же как естественная способность человека, направлена на то, чтобы защищать потребности, это способ освобождения от ограничений, запретов, нравственных законов и т. п. Для чего нужна свобода? Для того, чтобы освободить себя от любых ограничений. Зачем нужна свобода? Затем, чтобы можно было максимально полно удовлетворять все свои потребности, которые сами являются естественными продуктами и результатами естественной эволюции материи, или природы. Мы созданы стихийным процессом развития такими, какие мы есть. Кроме саморазвивающейся природы, ничего нет, и поэтому ничто (какая-то религия, какая-то мораль) и никто (какой-то Бог, какой-то Учитель) не может указывать нам, какими мы должны быть. "После этого для нее (свободы.- И.С.) не оказывается достаточных препон к самому бурному кипению,- и она проявляется потом... с крайнею необузданностию и с "непотребством"... неприкрытой

наглости бешеного цинизма, когда уже совсем не желают стесняться и *делают всякую нечистоту с ненасытностью* (Еф. 4, 19)" (77).

Понимая при этом, чем грозит разрушительность и саморазрушительность, свойственные стихийной человеческой природе, либерализм возводит на небывалую высоту юридический закон, который призван охранять человека по принципу "свобода внешнего поведения одного человека не должна ограничивать свободу другого". Однако в декларировании либерализмом права абсолютной свободы внутренней жизни человека скрыта циничная ложь. Реальность превращает вышеназванный принцип в утопический призыв, способный лишь растлить человеческую плоть таким пониманием неограниченной ничем "свободы" или даже обречь человека на совершение преступлений. Но "внутренняя свобода отнюдь не есть отрицание закона и авторитета, то есть беззаконие и самомнение. Нет, внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу и самостоятельно осуществить его в жизни" (78). *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу* (79).

К свободе призваны вы, братия.

Гал. 5, 13

Нельзя не напомнить либералам и разного рода атеистам, воспевающим свободу, что именно христианству европейская культура обязана честью обладания истинным понятием свободы. На протяжении тысячелетий не ведала человеческая история подлинного понимания свободы. И это естественно, ибо долгое время оно было сокрыто от человека и свобода понималась лишь как политическая независимость народов. Свобода изначально вовсе не была дана человеку в его индивидуальном, внутреннем жизненном опыте. Напротив, античная культура, например, свидетельствовала о существовании неких слепых сил, господствующих над человеческой жизнью, и определяла их понятием "рок". Именно роковую судьбу человека олицетворяло особое, собирательное действующее лицо древнегреческих трагедий - хор. Именно от рока, властвующего над ним, не смог уйти герой софокловской трагедии царь Эдип: хотя он всеми силами стремился не делать зла, тем не менее против своей воли совершил тяжкие преступления. Античный рок олицетворял действие в человеческой жизни жесткого природного закона детерминизма, неизбежно подчиняющего себе, предопределяющего человеческие поступки и поведение. И только Христово благовестие принесло в мир иной закон: *К свободе призваны вы, братия; и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (80). Познаете истину о человеке, поработанном злом, грехом, смертью и нуждающемся в спасении.

Да, судьба человека определена грехопадением, искажившим его сущность, характер, склад души, поступки, особенности и свойства. Она была бы предопределена полностью, если бы не одно великое НО - если бы не встреча с Богом, если бы не опыт свободы.

Свобода по сути своей - **духовно-нравственное**, а не биофизиологическое состояние личности. Свобода в христианском понимании "абсолютно чужда всяких плотских элементов и не может быть точкою опоры... для развития активности со стороны плоти" (81). Духовно-нравственная свобода - это способность видеть добро и зло, выбирать между добром и злом и обретаемая душой решимость творить добро. *Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, - как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божиим* (82).

Духовно-нравственная свобода - это встреча с добром, но и осознание реальности зла как нравственного рабства: *Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства* (83). Иго рабства - это наша поработанность грехом. Именно в отношении к этому рабству, в освобождении от этого рабства греху заключен

подлинный смысл христианского понимания свободы. Подлинная свобода - это достигаемое нашими усилиями к коренной и внутренней перемене, к кардинальному изменению своего сознания стяжание с помощью Божией Духа Святого и спасение. *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода* (84).

"Свобода, по самому существу своему,- писал И.А. Ильин,- есть именно **духовная свобода**, т.е. свобода духа, а не тела и не души (! - И.С.). Это необходимо однажды навсегда глубоко продумать и прочувствовать с тем, чтобы впредь не ошибаться самому и не поддаваться на чужие соблазны" (85).

Свобода есть способ жизни, присущий любви.

И.А. Ильин (86)

"Чужие соблазны" закрепляют рабство греху. И атеизм упорно твердит: мы такие, какие мы есть, ни больше и не меньше, а главное - не лучше и не хуже!

На языке христианской антропологии это будет звучать так: свобода - это то состояние, когда человек не только не может не грешить, но и не хочет не грешить. Блаженный Августин в вопросе о свободе человека различал *posse non peccare* и *posse peccare*: возможность не грешить и возможность грешить. Невозможность греха он приписывает только ангелам и святым небожителям. Возможностью не грешить из людей, живущих на земле, обладали только Адам и Ева до грехопадения. Падший же человек, предоставленный самому себе, без содействия высшей Божественной благодати, не может не грешить. Могут не грешить только такие люди, "которые всецело пребывают в Господе Искупителе и только в Нем благодатно имеют свою онтологическую опору". "Только Им и при Его соответственном влиянии мы живем христиански корректно", и только "Он будет исключительной силой всего нашего морального устройства" (87).

Свобода - важнейшее и ценнейшее достояние Православия. Дарованная Богом способность человека к спасению души - это свобода.

Дарованная Богом способность человека к нравственному совершенствованию - это свобода.

Свобода, дарованная Богом,- это средство преодоления греховных склонностей и страстей. Это способ воплощения и утверждения в жизни нравственных ценностей. Это умение не преступать запретов Божиих. Это владение человеком искусством самоограничения. Это стремление к исполнению заповедей Божиих.

"Свобода наша остается и нас удерживает в чисто духовной области веры, а там всюду и во всех действует любовь Христовой самопреданности на пользу всех и каждого" (88).

Прогресс или преобразование?

Здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

2 Тим. 4, 3-4

"Прогресс и преобразование" - так была названа речь профессора Императорской Московской Духовной Академии архимандрита Илариона (Троицкого), ныне прославленного в лике священномучеников. В ней он еще в 1914 году отмечал, что человеку, "сомневающемуся в ценности прогресса или совсем этой ценности не признающему, грозит побиение всяким дрекольем" нашими западниками или современными европейцами (89). Почему? Потому, что "идеал Православия есть не прогресс, а преобразование" (90).

"Христианство возвестило одну из самых мрачных эсхатологий, оно предупредило, что в конце концов силам зла будет дано вести войну со святыми и победить их (Откр. 13, 7)" (91). Не желая принять евангельское Откровение, атеистическое сознание отворачивается от истины и избирает идеи, *льстящие слуху*. Одна из них - идея прогрессивного развития науки, общества, искусства, каждый из этапов которого неуклонно будет приносить человечеству все новые и новые блага.

Однако, несмотря на *льстящее слуху* звучание подобных заверений, в наше время все чаще и чаще слышатся щемящий душу металлический лязг и стоны жертв, сопровождающие восхождение по ступеням прогресса. Все чаще и чаще идея прогресса воспринимается как жесточайший, ни от кого не зависящий процесс, почти слепой рок, а точнее, как некий асфальтный каток, подминающий под себя все встречающееся на пути. При этом уверяют, что все это к лучшему, ибо слово "прогресс" и означает движение к лучшему. Но почему-то умалчивают о том, что люди вряд ли могут достигнуть согласия в том, что считать лучшим, а что худшим. Так, для уже упомянутого "теоретика" фетальной терапии Г. Сухих "лучшее" - это развитие его дела и широкое использование биомассы из младенцев в лечебных целях. При этом "лучшей" фетальная терапия становится по причине того, что она - неизбежное следствие научно-технического прогресса. Но движение ли это к лучшему, то есть прогресс ли это?

Прогресс ли это - создание в XX веке ядерного и биологического оружия для массового уничтожения людей?

Прогресс ли это - экологический кризис, следствие прогрессивного развития науки и промышленности, который обрекает каждого ребенка, рождающегося в нынешней агрессивной экологической среде, на болезни?

Прогресс ли это, когда под знаменем прогрессивного развития науки и ради получения "объективного" знания вживляются раковые клетки в организм здорового человека? Или когда ради "объективной" информации и интересов науки отказываются от лечения умирающего больного? Или когда без ведома и согласия больных их используют для клинических испытаний новых лекарственных препаратов? К сожалению, перечень подобных примеров, сопровождающих современную научную работу, может занять не одну страницу.

Именно под впечатлением "прогрессивного" развития науки в XX веке в западной методологии науки возникло понятие "рациофашизм" (П. Фейерабенд), которым обозначено наличие обратной стороны этого развития, ставящей под сомнение саму идею прогресса. Нельзя не согласиться с Клайвом Льюисом, когда он пишет: "Мы все лучше умеем лечить и вызывать болезни, облегчать и причинять боль, умножать и растрчивать природные богатства... Починим там, ломаем тут, сменим старые беды на новые" (92). При этом нельзя не увидеть, что новые беды оказываются страшнее старых. Чего стоят одни только ожидаемые социокультурные последствия современных биомедицинских технологий? Например, клонирование человека с целью получения его "оригинальных копий", "запасных частей". Или новая форма размножения по различным методикам искусственного оплодотворения. Или распространение генетического тестирования, опять же для улучшения общества. Или вмешательство в геном человека, что вообще ставит под угрозу существование человеческого рода... Эти проблемы выходят далеко за рамки науки и касаются как каждого человека, так и судеб общества в целом. И здесь речь уже не о прогрессе, а о том, способно ли будет общество просто выжить в условиях развития таких "прогрессивных" исследований.

Преподобный Иустин (Попович) писал: "Посредством всевозможной деятельности своей - религиозной, философской, научной, технической, экономической - род человеческий очевидно движется вперед, идет вперед к чему? Нет сомнения, к смерти, как последней реальности. Рожденные в мельнице смерти и выросшие в ней люди, все люди, со всеми своими прогрессами оказываются в конце концов смолотыми смертью. Всмотритесь в тайну человеческих прогрессов, и, если ваш разум не усыплен морфием

наивного идолопоклонства, вещепоклонства, вы должны будете прийти к убеждению, что человечество посредством всех своих прогрессов спешит к одному - к смерти. За всеми нашими прогрессами стоит смерть. А когда прогресс завершается смертью, не смешно ли называть его прогрессом? Умнее называть его регрессом, роковым регрессом, поскольку он все уводит в небытие, в несуществование, в ничтожество" (93).

Егоже Царствию не будет конца...
Символ веры

Идея прогресса в атеистической социологии есть не что иное, как перенос дарвинистского понимания эволюции животного мира в область мира человеческих отношений и истории. Идея неуклонного движения общества вперед породила новейший социологический тезис о том, что нынче человечество якобы вступило в эру, именуемую "постхристианством". По замыслу изобретателей данного термина, он должен обозначить настоящее и будущее состояние истории человечества. К великому сожалению, многие христианские публицисты начали использовать термин "постхристианство" с полным усвоением того разрушительного смысла, который был заложен в него ловкими "мейкерами" от социологии. Например, нас призывают к тому, что "пора осознать, что мы вступили в **постхристианскую эру** и переживаем процесс, обратный тому, который переживало человечество при вхождении христианства в историю" (94). Но так ли это? Права ли либеральная социология? Или все же между ней и христианской историософией существует фундаментальное и принципиальное различие, о котором мы не должны никогда забывать?

Либеральная социология, тесно связанная в лучшем случае с атеистическим сознанием, представляет христианскую цивилизацию как временный этап на пути бесконечного прогрессивного развития человечества. Главное для нее - внушить человеку, что за "вхождением" христианства в историю должен последовать его "выход".

Главное же для христианской историософии - это открытие той истины, что "выход" христианства из истории невозможен ни физически, ни метафизически, ни как бы то ни было вообще. Даже приход антихриста и все события связанной с ним трагической для человечества эпохи будут происходить в христианскую эру. Диакон Андрей Кураев пишет: "Три с половиной года проповедовал Спаситель. Его зеркальное отражение - антихрист - будет открыто править три с половиной года (1260 дней [Откр. 11, 3]). И среди христиан произойдет величайшее разделение: на тех, кто примет печать зверя, и тех, кто спасет свою душу - ценой изгнания и скорби" (95). И эти те, "кто спасет свою душу - ценой изгнания и скорби", те, кто чувствовал присутствие Бога всегда: в каждой мысли, в каждом событии, в каждом поступке, - они и будут последними и вечными свидетелями Его всебытия.

В I веке христианство вошло в историю. Это вхождение так изменило культуру, что до сих пор вне христианства она не может быть понята в **своем существе и смысле**. В.В. Зеньковский пишет: "Не следует забывать, что европейская культура, при всей **сложности своего состава** (96), была и остается донныне (и будет оставаться - *И.С.*) **христианской культурой** - по своим основным задачам и замыслам, по своему типу: из христианства она преимущественно выросла, его упованиями и идеалами она питалась, в христианстве обрела она свои духовные силы и от него взяла любовь к свободе, чувство ценности личности" (97). Даже само умаление роли христианства в современной культуре фиксируется понятиями, от христианства происходящими, с ним связанными и определяющими себя через отношение к христианству, как-то: "безрелигиозная культура", "постхристианская эра".

В то же время нельзя утверждать, что за понятием "постхристианство" нет никакой реальности. Напротив, это та **сложность состава**, говоря словами В.В. Зеньковского,

которая **была и остается донныне** свойственной культуре. Современная ситуация - это не постхристианство, а вечно возвращающееся противостояние христианства и многоликого язычества. Из этого противостояния история христианства никогда не выходила. Менялись лишь его виды, степень остроты и масштабы. Не раз в истории европейской культуры это противостояние принимало предельные формы: в I-III веках, в эпоху Реформации, во время двух мировых войн и т.д. В 1900 году Вл. Соловьев пророчески писал: "Я чую близость времен, когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима - быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни, но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками - да и мало ли чем еще!" (98). И действительно, Россия в XX веке явила миру страшный пример отторжения Христа, пусть даже и частью народа.

Близок к этому пределу и наступивший век. Применение оружия массового уничтожения людей, торжество разврата под видом полового просвещения, массовое распространение наркомании и алкоголизма, открытое поклонение "золотому тельцу", богоборческие новации биологической науки, бесчисленные сатанинские культы и их легализация в демократическом обществе - это современный антихристианский лик неоязыческого противостояния Богу.

И все же историческая невозможность постхристианства - это метаисторическая истина. О ней свидетельствовал в свое время и профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Михаил. Еще в годы первой мировой войны, обращаясь к материалистам и атеистам, в публичной лекции он говорил: "Вы победите, но после всех победителей победит Христос" (99).

Личность или общество, попирающие Христа, приходят не к постхристианству, а к отвержению Христа и, значит, не к пост-, а к антихристианству. Отвержение кем бы то ни было и когда бы то ни было Бога не означает уничтожения Его бытия. Оно означает всего-навсего немощную победу над человеком Его (опять же Его!) антипода, имя которому - не "пост-Христос", а антихрист. Нам не дано знать дат или сроков наступления последних времен, но православные люди знают, что общество, отвергнувшее Христа, обречено на один-единственный путь. И этот путь неизбежно приведет к состоянию, которое условно можно назвать "пост-история", что означает окончание лишь истории человеческого падения, но вечное торжество Божественного бытия.

Заключение

Мы знаем, что идол в мире ничто.

1 Кор. 8, 4

Перечисленные идола атеистического сознания являются реальными преградами на пути созидательного творчества работников просвещения и образования. Кому из учителей, любителей и знатоков русской литературы, не известно, что комедия Александра Сергеевича Грибоедова "Горе от ума", ставшая источником пословиц и поговорок, была написана им в возрасте 29 лет? Стихотворение "Пророк" Михаил Юрьевич Лермонтов написал в 25 лет. В 24 года Пушкин приступает к созданию "Евгения Онегина". В 25 лет Достоевский пишет повесть "Бедные люди". В 22 года Гоголь создает "Вечера на хуторе близ Диканьки". Что способствовало их творчеству? Прежде всего то, что уже в раннем детстве им была доступна истина Божественного Откровения. К сожалению, нашим детям путь к ней затруднен. Его заслоняют идола атеизма. Они, как многочисленные травмы, нанесенные мозгу, тормозят работу сознания.

Все вышесказанное определяет основные задачи, стоящие перед российской интеллигенцией, прежде всего перед учителями и учеными: не осуждать и даже не полемизировать, а терпеливо вести открытый диалог, разрабатывать систему аргументов, кропотливо восстанавливать правду, освобождая и индивидуальное сознание, и

российское образование в целом от вольных или невольных заблуждений, стремиться к их оздоровлению, то есть к той целостности и целомудрию, которые и ведут к гармоничному единству образования и воспитания.

Мы живем в непростое и особенно важное время. Как бы ни было изнурено неверием сознание людей, все же во внутренней, духовной их жизни невидимо совершается пересмотр установок и понятий, порожденных атеистической идеологией прежней эпохи. Недоступное внешнему взору действие Божественных сил, освобождая от идолов путь к Истине, осуществляет свою созидательную работу, утверждает живительное христианское жизнепонимание и жизнеустроение.

Примечания

1) Опрос студентов Российского государственного медицинского университета, 2001 год, количество опрошенных - 256 человек.

2) *Эко У.* Когда на сцену выходит Другой // Пять эссе на темы этики. СПб., 1998. С. 10. (Выделено мною.- *И.С.*)

3) *Тютчев Ф.* Полное собрание сочинений: Приложение к журналу "Нива". СПб., 1913. С. 123.

4) *Бэкон Ф.* Опыты, или Наставления нравственные и политические // Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 386.

5) *Бэкон Ф.* Афоризмы об истолковании природы и царства человека // Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 18.

6) Там же.

7) Цит. по: *Гусев Д.* Антропологические воззрения блаженного Августина в связи с учением пелагианства (1876 г.) // Святоотеческая христология и антропология. Пермь, 2002. Вып. 1. С. 29.

8) *Бэкон Ф.* Афоризмы об истолковании природы и царства человека. С. 19.

9) *Бэкон Ф.* Афоризмы об истолковании природы и царства человека. С. 19.

10) *Ильин И.* Кризис безбожия // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 342.

11) *Бэкон Ф.* Опыты, или Наставления нравственные и политические. С. 359.

12) *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Одоление смуты: Слово к русскому народу. СПб., 1995. С. 32-33. (Выделено мною.- *И.С.*)

13) *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196.

14) *Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Одоление смуты. С. 32.

15) *Хюртен Х.* Церковная политика Третьего Рейха // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 52.

16) Ср.: 2 Мак. 8, 17.

17) Из Библейского компьютерного справочника.

18) Мк. 9, 40.

19) Мф. 12, 30.

20) Святое Евангелие от Марка с толкованием блаженного Феофилакта. М., 1997. С. 139-140. (Выделено нами.- *Изд.*)

21) *Достоевский Ф.* Бесы // Собрание сочинений: В 15 т. М., 1990. Т. 7. С. 392.

22) *Максим Козлов, протоиерей.* 400 вопросов и ответов о вере, Церкви и христианской жизни. М., 2001. С. 204-205.

23) Подчеркнуто мною.- *И.С.*

24) О советских экспериментах по скрещиванию человека с обезьяной // Независимая народная газета: Приложение к газете "Вечерняя Москва". 1994. 25 августа. (Выделено мною.- *И.С.*)

25) Впоследствии стал знаменит как епископ Лука, ныне прославлен в лике святых.

26) См.: 3 Езд. 11, 32.

- 27) См.: *Мирский М.* Медицина в России XIV-XIX веков. М., 1996. С. 45.
- 28) См.: *Глуценков В.* Святитель Лука: взгляд в будущее. М., 2001. С. 186.
- 29) Цит. по: История философии. Запад-Россия-Восток. М., 1996. Кн. 1. С. 279.
- 30) Цит. по: История философии. С. 280.
- 31) *Ильин И.* Основы христианской культуры // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 315. (Выделено курсивом нами.- *Изд.*)
- 32) *Тертуллиан К.С.Ф.* О прескрипции и [против] еретиков // Избранные сочинения. М., 1994. С. 109. (Выделено нами.- *Изд.*)
- 33) *Ильин И.* Основы христианской культуры. С. 315-316. (Выделено курсивом нами.- *Изд.*)
- 34) *Осипов А.* Путь разума в поисках истины. М., 1997. С. 146.
- 35) *Ильин И.* Кризис безбожия. С. 351.
- 36) Ср.: 1 Кор. 7, 20.
- 37) *Ильин И.* Основы христианской культуры. С. 291.
- 38) Прем. 7, 16-20.
- 39) *Ильин И.* Основы христианской культуры. С. 314.
- 40) Пс. 103, 23.
- 41) Притч. 3, 19.
- 42) Еккл. 3, 11.
- 43) Ср.: Пс. 48, 4.
- 44) *Аксенов В.* Новые материалы для науки и техники // Наука, философия, религия: Материалы VIII международной конференции. Дубна, 1997. С. 35.
- 45) *Гайденко П.* Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 114.
- 46) *Богданов А.* Борьба за жизнеспособность. М., 1927. С. 5.
- 47) *Богданов А.* Борьба за жизнеспособность. С.3. (Именно эта процедура - переливание себе крови молодого студента - и стала причиной гибели Богданова.)
- 48) *Сухих Г.* Секрет их молодости // Столица. 1994. № 11. С. 32.
- 49) Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии. 2000. № 8. С. 81.
- 50) 2 Фес. 2, 7.
- 51) Рим. 7, 18-19.
- 52) *Сурия Пракаш Синха.* Юриспруденция: Философия права. М., 1996. С. 87.
- 53) Гал. 6, 2.
- 54) *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст / Отв. ред. А. Рубцов. М., 1997. С. 24. (Выделено мною.- *И.С.*)
- 55) Там же. С. 29.
- 56) *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 381.
- 57) *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 436.
- 58) *Ницше Ф.* К генеалогии морали. С. 412.
- 59) См.: Там же. С. 432.
- 60) *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное. С. 34, 35.
- 61) Сир. 17, 12.
- 62) 1 Мак. 2, 64.
- 63) Гал. 5, 14.
- 64) Псалтирь в святоотеческом изъяснении. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 1998. С. 421.
- 65) Там же. С. 422.
- 66) Иов 22, 22.
- 67) Ср.: 1 Ин. 4, 7.
- 68) *Александр Ельчанинов,* священник. Записи. М., 1996. С. 28.

- 69) Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 86.
- 70) Николаева О. Православие и свобода. М., 2002. С. 9.
- 71) Ин. 18, 38.
- 72) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. М., 1999. С. 166.
- 73) Ильин И. Кризис безбожия. С. 348.
- 74) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. С. 166.
- 75) Там же. С. 167.
- 76) Иак. 1, 25.
- 77) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. С. 179. (Выделено нами.- Изд.)
- 78) Ильин И. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 97.
- 79) Гал. 5, 13.
- 80) Ин. 8, 32.
- 81) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галам. С. 174.
- 82) 1 Пет. 2, 15-16.
- 83) Гал. 5, 1.
- 84) 2 Кор. 3, 17.
- 85) Ильин И. Путь духовного обновления. С. 94.
- 86) Ильин И. Путь духовного обновления. С. 94.
- 87) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. С. 182.
- 88) Глубоковский Н. Благовестие христианской свободы в Послании святого апостола Павла к Галатам. С. 174.
- 89) Иларион (Троицкий), архиепископ. Без Церкви нет спасения. М., СПб., 1998. С. 266.
- 90) Там же. С. 270.
- 91) Андрей Кураев, диакон. О нашем поражении. М., 1996. С. 3. (Выделено нами.- Изд.)
- 92) Льюис К. Возможен ли прогресс? // Собрание сочинений: В 8 т. М., 1998. Т. 2. С. 348.
- 93) Иустин (Попович), преподобный. Прогресс в мельнице смерти. О духе времени. Минск, 2001. С. 25-26.
- 94) Гальцева Р. Христианство перед лицом современной цивилизации // Новая Европа. 1994. № 5. С. 3. (Выделено мною.- И.С.)
- 95) Андрей Кураев, диакон. О нашем поражении. С. 35.
- 96) Выделено мною.- И.С.
- 97) Зеньковский В. Автономия и теонимия // Путь. 1926. № 3. С. 36.
- 98) Величко В. Владимир Соловьев: Жизнь и творения. СПб., 1904. С. 170.
- 99) Цит. по: Андрей Кураев, диакон. О нашем поражении. С. 37.